

КРАТКОСТЬ И ДОБРОТА

ЭТИ заметки о стихах Николая Доризо, конечно же, названы так не случайно: в последние годы поэт все заметнее стремится к краткости, а она, как говорят, — сестра таланта. Равно как и добрый непокой — кровный брат его: «Я все время живу накануне чего-то — накануне строки, накануне полета, накануне любви, накануне удачи...».

Поэт не замыкается в себе, а встревоженно вслушивается и в себя, и в окружающий его мир, неожиданно — сквозь время — сопоставляя свои впечатления. Ну, к примеру:

«Станица Ахтырская. Дом на горе. Два стареньких тополя рядышком. Неужто здесь бегала, в этом дворе, моя босоногая бабушка?»

Или еще более кратко, тоже законченным стихотворением и тоже о связи времен:

«Никто не забыт и ничто не забыто, — о дереве помнит кусок антрацита».

Или опять-таки о времени и опять самостоятельным четверостишием:

«Ступени городского сада. Все те же, что тридцать лет назад. По ним я вниз сбежал когда-то, и — стало мне за пятьдесят».

Тридцать лет — они перегрузили наши сердца великим опытом скорби, жертвенности и величия. Очевидец ленинградской блокады поэт Юрий Воронов впоследствии с документальной достоверностью напишет: «Уже давно напрасно напоминает надписью стена о том, что «наиболее опасна при артобстреле эта сторона». И понятно, что слово «напрасно» здесь употреблено отнюдь не напрасно, не просто для пере-

дачи внешнего факта, а с особым смыслом, я бы даже сказал, с неким полемическим вызовом. И ветеран Великой Отечественной войны Николай Доризо этот вызов принимает, вернее, принимает сторону этого вызова. В последнее время мы немало спорили о том, быть поэзии «громкой» или «тихой», ни разу, кажется, не вспомнив о такой ее черте, как летописность. Да, да, именно летописность, близкую документальности Юрия Воронова и в близкой же теме, проявляет Николай Доризо, когда словно бы останавливает для нас мгновение:

«Здесь жил Пушкин». «Здесь жил Маяковский». Мрамор славы. Бессмертья металл. Видел мемориальные доски. Но таящую, клянусь, не видал...»

И далее — словно скупой фотографический снимок:

Фронтальная зима.
Ленинград.
От всего многолюдного
здания
Лишь один обгоревший
фасад.

А к фасаду
прибита фанера,
Обваденная
черной каймой:

«В этом доме жила
тетя Вера», —
Нацарапано-детской рукой.

Передавая книжное и восторженное ощущение теперь уже такого давнего, такого довоенного еще мальчишки, поэт, не скрывая горькой иронии над

ним, своим лирическим сверстником, пишет: «Уйду на фронт вершить свой правый суд. Назло всем вражьи пулям смертоносным, которые в меня не попадут». Но пули и осколки — они делали свое дело, они не щадили как тех, кто оказался непосредственно на передовой, так и тех, для кого была «наиболее опасна при артобстреле эта сторона». И не оттого ли, обращаясь к современному поэту, а значит, обращаясь в первую очередь и к самому себе, Николай Доризо декларирует высокую многогранность гражданственности: «ты не коня в кузнечном громе — сверчка попробуй подковать!». И далее, варьируя тему художественного творчества — тему, которая в наши дни становится своей, личной для людей самых еще недавно будничных профессий, поэт на одном почти выходе, не рифмуя и не ограничивая строки рамками строгого размера, задает вопрос и тут же отвечает на него:

«Чем же отличается гениальный поэт от бездарного? В жизни гениального поэта бывает такая минута, когда он чувствует себя бездарным, в жизни бездарного поэта такой минуты никогда не бывает».

Надо полагать, «такой минуты никогда не бывает» и у равнодушного редактора, а вот у человека, обладающего чувством остротенного восприятия поэзии... Короче говоря, немало души вложили в книгу «Строфы» редактор М. Жигалова, а в книгу «Звенья» — редак-

тор В. Фогельсон. И коль давно уже мы гордимся нашим серьезным и вдумчивым читателем как своим соавтором, то как же по сестрице следует нам оценить участие в нашем творчестве прирожденного редактора — этого зачастую первого читателя наших произведений? Вот, скажем, стихи, которые поэт обращает к женщине, и все-таки — без всякого кощунства — я предлагаю вчитаться в них и с книгоиздательской точки зрения:

«Нем был я, кем я был без рук твоих? Черновиком был, глиной был слепым, один мазок, один твой легкий штрих — и наконец я стал самим собой. Все отошло, что мне мучило кровь. Нет от меня вчерашнего ни голоса, ни жеста. Спросите: что такое есть любовь? Я вам отвечу: жажда совершенства».

Разумеется, это все-таки стихи о любви. Честные и хорошие стихи о любви, хотя та же самая неутолимая «жажда совершенства» способна иногда свести их полет влопыхах на уровень альбомных шедевров:

«О, как нам часто кажется в душе, что мы, мужчины, властвуем, решаем. Нет! Только тех мы женщин выбираем, которые нас выбрали уже».

Впрочем, творчество Николая Доризо — это творчество, находящееся в развитии, и его, как всякий действующий, живой организм, объективно следует судить не по просчетам, а по удачам. Красочностью и благодарным юмором дышат строки

поэта об «украинском древнем предке», которого ощущает в себе лирический герой, добродушно признаваясь:

«Люблю кубанский знойный борщ с томатом, с перцем и с морковью. И аромат его, и мощь полезны моему здоровью. Могу прожить сто с лишним лет, сто с лишним лет — и это мало, вот только бы начать обед с него и с розового сала».

И это отнюдь не воинствующее раблезианство, а то, о чем у нас справедливо принято говорить: в здоровом теле — здоровый дух. А здоровый дух, иначе говоря спасительный дух народного благоразумия, призывает думать не только о здоровье лично своего тела:

«— Куда рыбки, ты спрашиваешь, делись — по пальцам можно рыбу сосчитать!.. Сто лет назад, когда шел внешний нестерпимый, когда белуга шла икру метать, так уважали рыбу, так ценили — богатство вековечное свое, холода на праздник не звонили, чтоб благовестом не спугнуть ее!»

«Так уважали рыбу...» — это фраза не о вкусовом пристрастии знатоков по части застолья, а о глубинной мудрости наших дедов-прадедов, об их рачительной дальновидности, в общем-то передавшихся нам, по наследству, хотя и не достигших пока должной масштабности.

«Доброта порою как лосенок, что забрел доверчиво в поселок. Смотрит, улыбается народ». Эти строки Николай Доризо написал о беззащитном звереныше. И о человеческой доброте. И еще, конечно, о том чувстве прекрасного, которое живет в каждом из нас и которое многократно усиливается от встреч с книгами хороших поэтов.

Владимир САВЕЛЬЕВ